

А.С. Румянцева

Вологодский государственный университет

ФОРМИРОВАНИЕ АКТУАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

В статье описываются особенности процесса формирования актуального значения слова. Отправной точкой анализа является теория лексического прототипа, в соответствии с которой за каждым многозначным словом в долговременной памяти коммуниканта на уровне системы языка закреплен минимальный набор смысловых признаков, другими словами, инвариант значения этой лексической единицы. При генерировании необходимого смысла носитель языка каждый раз пользуется лексическим прототипом, а также анализирует текущую ситуацию общения вместе с изменениями состояния собственного тела как ответной реакции на высказывание собеседника. Таким образом, актуальное значение слова выстраивается каждый раз заново на основе проведенного анализа и знания содержательного ядра лексической единицы. Оно является уникальным для конкретной ситуации общения. Проведенный анализ также затрагивает положения теории биологии познания.

Лексический прототип, биология познания, язык, процесс коммуникации, лексическое значение, метафора, метонимия.

Современная научная парадигма носит явно антропоцентрический характер, то есть абсолютное большинство проводимых исследований выполняется при учете человеческого фактора как отправной точки любого анализа. Описанная тенденция охватывает, несомненно, лингвистику.

В современной науке о языке учет роли индивидуальной личности помогает решить многие лингвистические проблемы. Одной из таких проблем является актуальное значение слова и процесс его формирования. Заявленный вопрос напрямую соотносится с необходимостью освещения проблемы природы языка и процесса коммуникации, лексического значения слова, а также его ядра.

Если обратиться к диахроническому срезу, очевидно, что рассматриваемый вопрос интересует исследователей уже много веков. Первые лингвисты (например, Платон) сводили роль индивида в языковых процессах практически к нулю, при этом провозглашался примат коллектива над человеком. Ведущая роль в формировании значения высказывания отдавалась, как правило, Богу. Функция коммуниканта при этом заключалась максимум в выборе нужного значения слова из их готовой совокупности, хранящейся в его памяти [1, с. 22, 28, 31, 39–40].

В начале XX века представитель Женевской школы структурализма Ф. де Соссюр выдвигает ряд концептуальных положений, которые заложили основу лингвистики. Прежде всего, он вводит разграничение между уровнями системы языка и речи и описывает различие между языком и речью как между социальным и индивидуальным. При этом язык представляет собой «самоорганизующуюся систему знаков», существующую «в самой себе и для себя». Он является

готовым *коллективным* продуктом, пассивно регистрируемым говорящими в практике речи и позволяющим человеку понимать других и быть ими понятым. Более того, язык не существует полностью в голове ни одного коммуниканта. В полной мере он представлен лишь в коллективе, являясь по своей природе социальным, так как обеспечивает реализацию способности к речевой деятельности, имеющуюся у каждой индивидуальной личности [5, с. 47–48, 57].

На уровне системы языка, в мозгу человека, «ящике сознания», как критически называет его А.В. Кравченко, оспаривая излагаемую точку зрения [3, с. 92], вся информация о слове и его значении фиксируется в процессе коммуникации и хранится в виде «клада» или «склада» признаков. Таким образом, значение представляет собой готовый к употреблению «отпечаток в мозгу» носителя языка о некоем объекте действительности. При этом данные «отпечатки» «тождественны» у людей, принадлежащих к одному языковому коллективу [5, с. 51, 52, 57]. Из сказанного можно заключить, что язык, по всей видимости, находит свое полное отражение в речи.

Поскольку влияние работ Ф. де Соссюра имело достаточно большие масштабы, изложенные взгляды получили поддержку в работах его последователей во всем мире (Э. Бенвенист, А. Гардинер, Дж. Лайонз, А. Мартине, Т.П. Ломтев, А.А. Реформатский, Р. Якобсон, Ш. Балли, Л. Ельмслев, С.Д. Кацнельсон и другие). Однако описанные положения содержат ряд спорных моментов. В частности, А.В. Кравченко и М. Редди отмечают следующее. Коммуникация, в соответствии с положениями концепции Ф. де Соссюра и его последователей, по всей видимости, представляет собой обмен информацией, то есть определенными

звуковыми формами слов с закрепленными за ними фиксированными значениями [3]. Каждое слово имеет значение, поскольку оказывает определенное ориентирующее воздействие на окружающих [8, p. 137]. По этой причине человек, очевидно, имеет возможность передавать мысли другому посредством языка-«инструмента» («tool»), который функционирует как особый канал связи («conduit»). Это предполагает, что лексические единицы представляют собой контейнеры («conveyers»), имеющие некоторое пространство внутри («insides»), в которое говорящие вкладывают («insert»), кодируют («encode») нужное значение и посылают его по этим каналам слушающему [11, p. 167–168, 170, 184, 188]. В этом, согласно справедливому замечанию Ф. де Соссюра, участвуют как физические (звуковые волны), так и психические (соотношение понятия и акустического образа) и физиологические (импульсы мозга органам речи) процессы. Следует отметить, что это наблюдение способствует пониманию природы языкового знака. Кроме того, Ф. де Соссюр отмечает, что язык находится в том месте, где слуховой образ ассоциируется с понятием, то есть в голове человека. Поскольку объем знаний у индивидуальных личностей, принадлежащих к одному языковому коллективу, примерно совпадает [5, с. 48–52, 57, 107–109], то задача слушающего заключается в том, чтобы получить данное сообщение, извлечь («extract») и декодировать («decode») его. Таким образом, ясно, что мысли и идеи, как нечто материальное, могут «покидать» и «входить» в мозг носителей языка. Поэтому значение является, скорее, «вещью» с определенной и фиксированной формой, а не чем-то гибким и эластичным. Роль коммуниканта, по-видимому, в функционировании данной системы не считается решающей. Она сводится, по наблюдению С. Каули, к роли машины или компьютера, хранящего всю актуальную информацию о слове и выдающего – кодирующего и декодирующего – в нужный момент необходимое значение в соответствии с заранее заложенной схемой [7, p. 12]. При этом коммуникант достигает успеха в общении автоматически, не прикладывая особых усилий, что не исключает возможности неудач коммуникации («infelicities»). Их природа в рамках традиционной парадигмы остается не совсем ясной. Однако, по всей видимости, вину в этом случае несет говорящий, так как именно он создает «пакет», который сложно или невозможно распаковать [7, p. 167–169, 170, 174, 184, 188].

Итак, описанная концепция, очевидно, характеризуется недостаточным вниманием к роли индивидуальной личности в языке. Вероятно, это является причиной того, что на ее основе сложно объяснить некоторые важные и требующие ответа лингвистические проблемы. Тем не менее, противоположная тенденция, исходящая из учета человеческого фактора, всегда существовала параллельно традиционной лингвистической парадигме. В частности, впервые о творческой роли человека в мире заговорил древнегреческий философ Сократ. На примере своей жизни он доказал, что индивидуальная личность не следует заранее предписанному пути, а идет своей собственной дорогой [1, с. 32]. Это положение послужило базой для современной альтернативной теории природы

языка и значения слова, созданной в рамках одного из перспективных и быстроразвивающихся лингвистических направлений – теории биологии познания. Ее становление обусловлено заслугами представителей традиционных исследований, которые создали фундаментальную базу для анализа проблем языка.

Биология познания – направление, представители которого рассматривают язык как механизм познания, который является частью сознания и лежит в основе поведения людей для приспособления к окружающей среде. При этом наличие сознания служит предпосылкой для выживания и специфической чертой человека, которая определяет его способность к коммуникации [10].

Так, с этой точки зрения, «живые системы» («living systems»), к которым принадлежит человек, – это «когнитивные системы» («cognitive systems»), то есть системы, для которых познание является средством адаптации к окружающему миру. Человек обладает нервной системой, позволяющей в процессе эволюции в его ДНК накапливать информацию о среде, в которой он живет. ДНК хранит знание, которое остается «стабильным для организмов на протяжении нескольких поколений». В процессе жизнедеятельности каждый человек постоянно приспосабливается к переменам окружающей среды. При этом любое изменение отражается в его нервной системе в виде определенного измененного состояния активности нервных клеток – нейронов, отвечающих за определенный тип чувств. Это обуславливает поведение организма. Следует отметить, что нервная система постоянно изменяется за счет роста личного опыта. Это объясняет, почему два представителя одного рода не обладают идентичной нервной системой [9, p. 6, 13, 18–19, 23] и, следовательно, структурой тела, которая предопределяет его функции, влияющие на характер процесса коммуникации в целом [6, p. 195].

В течение всей жизни и в процессе общения, в частности, тело человека непрерывно воспринимает сигналы как его внешней, так и внутренней среды, то есть оно выполняет «функцию наблюдателя» («observer»), описывающего свою среду. По всей видимости, без наблюдателя среда неструктурирована. Давая реалиям имена, наблюдатель наделяет их структурой [10].

Каждый живой организм не создает окружающую действительность сам, но в момент рождения оказывается окруженным этой действительностью. Следовательно, он имеет свою «нишу» («niche») среды – область взаимодействий, в которые организм вступает, чтобы поддерживать свою жизнедеятельность [7, p. 1, 6, 12]. В описываемой ситуации он представляет собой *замкнутую* систему, которая существует в уникальных условиях. Учитывая свою организацию и структуру, живая система определяет сферу взаимодействий с окружающей средой, в которые она может вступать, сохраняя свою идентичность. Из этого следует, что живая система и среда составляют единое целое и не могут существовать изолированно. Условия ниши по сравнению с условиями среды других подобных организмов и во многом похожи, и различны. При этом не существует ни одного известного способа, обеспечивающего передачу объективной

информации о нише и готовых знаний человека об условиях его среды другому [9, р. 9–10, 32]. Это – уникальные данные, которые индивидуальная личность должна учитывать, чтобы выжить. Единственным способом обмена информацией между людьми является обмен сигналами, на основе интерпретации которых знание самостоятельно выводится коммуникантами – язык [10; 11].

Согласно мнению представителей теории биологии познания, наличие нервной системы расширяет сферу взаимодействия организма. По этой причине возможными становятся взаимодействия со своими собственными внутренними состояниями – результатами внешних и внутренних контактов со средой, – как если бы они были независимыми сущностями. Эти процессы лежат в основе формирования мышления, в том числе абстрактного [10]. Нервная система также позволяет осуществлять нефизические («non-physical») взаимодействия между организмами – ориентирование друг друга на определенные действия внутри своих собственных когнитивных областей. Это, в свою очередь, становится предпосылкой для реализации процесса коммуникации [9, р. 13–14, 26].

Необходимо остановиться на том, что в рамках теории биологии познания возникает новое направление лингвистических исследований, занимающееся изучением природы языка и получившее название «биосемиотики» (от греч. «*bios*» – жизнь, «*semeion*» – знак). Оно изучает механизмы использования всевозможных естественных и искусственных факторов, которые в процессе коммуникации становятся знаками во взаимодействиях субъектов общения и окружающей среды [6, р. 190]. Таким образом, биосемиотика позволяет (примерно) обозначить круг факторов, которые учитывает носитель языка в процессе вывода актуального значения.

Согласно мнению представителей теории биологии познания, внимание к роли личностного фактора в ситуации общения и осмыслении высказывания обуславливает, прежде всего, изменение взгляда на понятие «значения». Так, значение рассматривается как оценка влияния изменений окружающей и/или внутренней среды человека на приспособление к ней. Только живые системы способны выводить значение, поскольку только они могут видеть, слышать, чувствовать и говорить. Клетки тела постоянно воспринимают сигналы среды и отвечают на них запуском множественных физиологических процессов, позволяющих организму интерпретировать любое воздействие. Это помогает выводить значения поступающих сигналов из совокупности личностных смыслов и реакций организма и эффективно приспосабливаться к среде [6, р. 188, 191, 195].

В процессе создания значения языковая личность активно использует свой врожденный потенциал формировать его. При этом значение является «коррелятом индивидуального сознания, не наблюдаемым и не переносимым от коммуниканта к коммуниканту». Оно выводится в результате воспоминания, какой смысл возник раньше при появлении данных сигналов в ситуациях, подобных этой, то есть в результате догадки, творческого акта, процесса «само-создания» или «аутопоэза» смысла. Следовательно, тело челове-

ка «натренировано» на запоминание опыта коммуникации в прошлом и создание аналогичного смысла [8, р. 137; 9, р. 82].

На этом этапе возникает вопрос, как носителям языка удастся достигнуть консенсуса, когда каждый из них, стремясь удовлетворить свои собственные потребности, живет по своей программе и поступает в своих интересах. У. Матурана предлагает следующее решение. Ориентация на взаимодействие выбирается говорящим «в результате независимой внутренней операции над собственным состоянием» в ответ на вызовы среды. «Консенсус возникает лишь благодаря кооперативным взаимодействиям, в которых результирующее поведение каждого из организмов служит поддержанию их обоих» [9, р. 32]. Таким образом, в вопросе о природе языка теория биологии познания исходит из предпосылки, что язык – всего лишь одна из *биологических функций* человека как живого организма [10], которая модифицирует его среду путем модификации поведения других организмов посредством консенсуальных взаимодействий с ними [8, р. 125].

Итак, с точки зрения теории биологии познания, язык является врожденной функцией организма, распределенной во всем теле (а не только в голове индивидуальной личности). В частности, к этому выводу приходит нейронаука [10]. Результаты исследований показывают, что человек генерирует информацию об окружающем мире, прежде всего, на основе органов чувств с помощью нервных клеток и рецепторов, распределенных по всему телу и постоянно следящих за изменениями внешней и внутренней среды. Кроме того, известно, что внешний объективный мир «не посылает» языковой личности никакой информации. Она, в свою очередь, «не забирает» ее по особым каналам. Следовательно, любое взаимодействие организма с внешним миром представляется в нервной системе в качестве сменяющих друг друга состояний активности нервных клеток. Эти же процессы лежат в основе самостоятельного создания знания и определенного вида поведения, в том числе языкового. По этой же причине на теле человека нет специальных органов («входов» и «выходов») для принятия и отсылки информации. В этом процессе участвует *все тело*. При этом мозгу отводится функция координации всех происходящих в организме процессов [10].

Подводя итог сказанному, очевидно, что с точки зрения теории биологии познания интерпретация поступающих сигналов зависит от разных факторов. Среди наиболее важных выделяются особенности познающей структуры; знания, уже существующие на основе индивидуального опыта общения; оценка человеком результатов взаимодействия с окружающей средой; оценка степени соответствия языкового поведения отправителя сообщения потребностям организма получателя. Кроме того, при выводе значения коммуникант учитывает мимику, жесты, интонацию, язык тела, темп и тембр звучащей речи. Все это соединяется («*couples*») с контекстом – условиями общения – и способствует выведению соответствующего смысла поступающих извне сигналов [6, р. 189].

Особенное внимание из перечисленного следует заострить на специфике тех знаний, которые уже су-

ществуют у индивида и являются основой понимания услышанного. Как уже было сказано, поскольку коммуниканты живут в сходных условиях среды, знания о сущности каждого понятия являются у них примерно идентичными. Этот факт можно считать предпосылкой успешности процесса коммуникации.

Базовые знания коммуникантов получают, в терминологии И.К. Архипова, название лексического прототипа. Последний является инвариантом всех лексико-семантических вариантов конкретной словоформы. Функционируя как единица уровня системы языка, лексический прототип соответствует глобальному представлению о содержании слова, не выходящему за пределы наивной картины мира типичного коммуниканта. Компактность структуры лексического прототипа отвечает такому условию коммуникации, как функционирование на исключительно высоких скоростях, измеряемых в пико-секундах [2, с. 115, 118].

Рассмотрим особенности процесса формирования актуального значения слова на основе знания лексического прототипа.

Лексическим прототипом современного многозначного прилагательного *hard* является *resistant to an external physical pressure, or as it were* [4]. Исходя из приведенной формулировки, очевидно, что любой носитель языка осознает, что прежде всего рассматриваемое прилагательное используется для описания твердых предметов окружающего мира. Кроме того, в формулировку лексического прототипа включен компонент сравнения «*as it were*» – «как если бы». Этот компонент предполагает, что из своей речевой практики коммуникант знает о случаях употребления слова в непрямом значении. Таким образом, этот компонент позволяет коммуниканту осмыслить конкретный предмет и его признаки либо как абстрактную сущность, либо в виде прямых или переносных номинаций – посредством использования метафорического и/или метонимического переносов.

Обратимся к речевому примеру: *He shuffled his feet on the hard wooden floor* (Collins Cobuild English Language Dictionary). Выведение актуального значения коммуникантом исходит из того, что в процессе анализа лексических единиц высказывания и контекста говорящий понимает, что, в соответствии с его представлениями и знаниями об окружающем мире, смысл всех слов соответствует реальности и что в данной ситуации речь идет о признаке конкретного предмета, то есть деревянного пола. Соответственно выводимое актуальное значение совпадает с формулировкой лексического прототипа (применение компонента сравнения в рассматриваемом примере не требуется), поэтому значение прилагательного «*hard*» в приведенном контексте является прямым. Реконструкция мыслительного процесса коммуниканта может быть представлена следующим образом: *He shuffled his feet on the wooden floor that offered resistance to an external physical pressure.*

Рассмотрим другой пример: *He can be such a hard taskmaster* (The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles).

Чтобы вывести актуальное значение, слушающий рассуждает следующим образом. Восприняв подоб-

ную форму прилагательного на фоне данного речевого контекста, языковая личность видит в нем несоответствие обычному положению дел в окружающем мире – прилагательное «*hard*», изначально обозначающее свойства твердых предметов, употребляется с одушевленным существительным. Оценив ситуацию, слушающий ищет вариант интерпретации, альтернативный описанному несоответствию. Коммуникативный опыт носителя языка подсказывает, что предметом высказывания является характеристика черт поведения человека. Таким образом коммуникант снижает уровень неопределенности своего сознания в отношении описываемого объекта и останавливается на общей формуле соотношения конкретной связи знаний о свойствах твердого предмета и их возможного переосмысления с помощью сравнения: «*a characteristic of a person is like that of a physical object withstanding an external pressure*». Учет всего сказанного подсказывает вывод актуального значения прилагательного «бесчувственный» на основе метафорического переноса: *As a taskmaster, he can be resistant to influence like a physical object subjected to an external pressure* [4].

Можно предположить, что в рассматриваемом контексте коммуникант имеет возможность привлечения прагматического компонента. Из этого следует, что взаимодействие как с твердым предметом, так и с черствым человеком оставляет в памяти носителя языка воспоминания. Вероятнее всего, в описанной ситуации они будут неприятными.

Обратимся к рассмотрению случаев употребления другого многозначного прилагательного *strong*, лексическим прототипом которого является *able to exert considerable muscular force, or as it were* [4].

В первом примере *He must be very strong to be able to lift that car* (Longman Dictionary of the English Language and Culture) реконструкция механизма формирования актуального значения прилагательного показывает, что носитель языка понимает, что смысл высказывания полностью соответствует привычному для него положению дел в мире: в нем описываются признаки физически сильного человека. Семы, обозначающие их, совпадают со сформулированным лексическим прототипом, поэтому данное значение является прямым (применение компонента сравнения не требуется): *He must be able to exert considerable muscular force to lift that car.*

Some army troops nearly 50,000 strong continued to be stationed in Germany (Collins Cobuild English Language Dictionary).

При выводе актуального значения носитель языка отдает себе отчет в том, что речь идет о некоторой группе активных людей, обладающих физической силой и способных выполнять действия, которые требуют ее приложения. Тем самым словосочетание «50,000 strong» мотивировано образом физически сильного человека: «*a group consists of a number of participants who can exert considerable muscular force*». Следовательно, в данном случае коммуникант осознает непосредственную связь между физическими способностями членов группы и их количеством. Это значит, что нужное значение строится на основе метонимического переноса (применение компонента

сравнения не требуется): Some army troops that numbered 50,000 men who might *exert considerable physical force* were stationed in Germany.

It is a strong belief (Webster's Third New International Dictionary).

В этом случае формирование актуального значения происходит с учетом следующих факторов. Говорящий знает, что в высказывании описывается не сильный человек, а такие взгляды, которые настолько важны, что остаются неизменными и выдерживают влияние внешних факторов и обстоятельств, направленных на то, чтобы они изменились. Это стимулирует коммуниканта к выводу, что указанная ситуация напоминает ситуацию с физически сильным человеком: «it is a belief that can withstand the influence of external factors like a physically powerful person who can withstand considerable pressure by muscular force». Следовательно, значение «прочный» выводится по механизму уподобления на основе метафорического переноса: It is a belief, which is so deep and profound that it *cannot be easily altered or eradicated as if by muscular force* [4].

Таким образом, на основе проанализированных примеров можно заключить, что формирование актуального значения происходит при соотношении лексических прототипов слов с ситуацией общения. На основе этого языковая личность определяет, соответствует ли ситуация реальному положению дел в мире. Если соответствие отсутствует, используется механизм метафорического переноса на основе сравнения. Это способствует поиску коммуникантом ассоциаций вероятных связей между сущностями и построению актуального значения языковой единицы в ограниченных по времени условиях реального общения. Следовательно, лексический прототип является наиболее компактной ментальной структурой, и теория лексического прототипа имеет большой потенциал в сфере анализа процесса вывода актуального значения носителями языка в условиях коммуникативного цейтнота.

Кроме того, очевидно, что речевые значения строятся по аналогичным механизмам (метафорического и метонимического переносов). Эти механизмы основываются на классификации результатов обработки своего опыта индивидуальной личностью.

Наконец, выведение значения происходит в процессе коммуникации. Он представляет собой не кодирование сообщений, то есть вкладывание готовых значений в определенный набор символов и последующий обмен ими. В ходе коммуникации происходит передача набора физических сигналов, которые могут быстро перемещаться между людьми, сохраняя свои физические свойства. Сами сигналы при этом не содержат никакой информации, они могут только служить стимулом, инструкцией для определенного вида действий [11, p. 167–168, 181, 187]. Когда меха-

нические воздействия становятся сигналами для получателя, при взаимном желании достичь одной цели организмы прикладывают некоторые усилия, энергию [11, p. 174], и осознают, что меняются условия их *каждый раз новой* физической среды. Это влечет за собой *каждый раз новое* изменение их собственного состояния (нервной системы) [3, с. 98]. Следовательно, в процессе коммуникации формируется *каждый раз новое* актуальное значение слова. Оно уникально для каждой конкретной ситуации общения и выводится для каждой конкретной ситуации общения и выводится носителем языка *каждый раз заново* на основе результатов интерпретации коммуникантом изменения своего собственного состояния, а также применения знания лексического прототипа и анализа языкового и речевого контекста.

Литература

1. Амирова, Т.А. История языкознания: учеб. пособие / Т.А. Амирова, Б.А. Ольховиков, Ю.В. Рождественский. – Москва: Академия, 2005. – 672 с.
2. Архипов, И.К. Язык и языковая личность / И.К. Архипов. – Санкт Петербург: Книжный Дом, 2008. – 248 с.
3. Кравченко, А.В. Значение и коммуникация как лингвистическая проблема и корни ее непонимания / А.В. Кравченко // Acta Neophilologica. – 2011. – № 13. – С. 91–104.
4. Румянцева, А.С. Соотношение системных и речевых значений многозначных прилагательных в истории английского языка (на материале прилагательных strong, hard, tough): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Румянцева А.С. – Санкт-Петербург, 2013. – 182 с.
5. Соссюр, Ф. де Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр; пер. с фр. под ред. А.А. Холодовича. – Москва: Прогресс, 1977. – 696 с.
6. Arkhipov, I.K. Biology of cognition, biosemiotics and second language acquisition / I.K. Arkhipov // Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions; ed. by A. Kravchenko. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012. – Pp. 185–213.
7. Cowley, St.J. Cognitive Dynamics: Language as Values Realizing Activity / St.J. Cowley // Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions; ed. by A. Kravchenko. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012. – Pp. 1–33.
8. Kravchenko, A.V. Grammar as Semiosis and Cognitive Dynamics / A.V. Kravchenko // Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions; ed. by A. Kravchenko. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012. – Pp. 125–154.
9. Maturana, H.R. Autopoiesis and Cognition / H.R. Maturana, F.J. Varela. – Dordrecht: Reidel Publishing Company, 1980. – 143 p.
10. Maturana, H.R. Biology of Cognition [Электронный ресурс] / H.R. Maturana // Biological Computer Laboratory Research Report BCL 9.0. – 1970. – Режим доступа: <http://www.enolagaia.com/M70-80BoC.html> (дата обращения: 25.04.18).
11. Reddy, M.J. The Conduit Metaphor: A Case of Frame Conflict In Our Language About Language / M.J. Reddy // Metaphor and Thought; ed. by A. Ortony. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – Pp. 164–201.

A.S. Rumyantseva

ON THE FORMATION OF SITUATIONAL WORD MEANING

The article discusses the process of the formation of situational word meaning. The starting point of the analysis is the lexical prototype theory. According to it, each polysemantic word correlates with its minimal set of distinctive features or its invariant which is kept in the long-term memory of an individual, at the language level. While generating the necessary meaning, a speaker uses the lexical prototype each time and analyses both the current situation and the changes in his body condition as a response to a partner's utterance. Hence, the situational word meaning is formed anew each time basing on the performed analysis and the knowledge of the core of the word meaning. The situational word meaning is unique for the specific situational context. The analysis carried out also deals with the biology of cognition.

Lexical prototype, biology of cognition, language, communication process, lexical meaning, metaphor, metonymy.